УСПЕХОВ И СЧАСТЬЯ ВАМ, ТОВАРИЩИ!

ЧЕМ ЗАПОМНИЛСЯ ГОД?

Вот что отвечает Наташа Петрова, студентка филологического факультета:

Первые впечатления... Нам, только что пришедшим в институт, очень трудно говорить о них, так все они навалились разом. И я, как и мои товарищи, вначале была оглушена, подавлена тем новым, что свалилось на нас, и... закружило, повлекло.

Здание института... Как не соответствовало оно тому «храму» наук, который был нарисован и подсунут мне моим услужливым воображением.

Признаться, и я, и мои подруги были несколько разочарованы. Мы ждали чего-то необыкновенного даже от самого здания. Но перешагнем его порог. Здесь нам предстоит провести четыре года. Какими-то они будут?.. Настоящего знакомства с этим новым миром не состоялось в первые дни, потому что все первокурсники уехали на уборочную. И надо было видеть, с каким воодушевлением работали девчата.

А из колхоза вернулись снова в ожидании чего-то неизведанного, радостного. Чего же?

Первого дня занятий, первой лекции, первого звонка. Как, как все это произойдет?

13 октября. Традиционный сбор на... лестничной клетке. Слышны возгласы удивления и даже смешки. Вдруг все стихли — говорил декан нашего факультета. И, кажется, именно на лестничной клетке (и вообще больше) должны происходить такие сборы. Ведь это очень символично —лестница! А куда она поведет нас сейчас? И потом, после окончания института? Как долго этого ждать, как далек этот день!

Звонок! Первый звонок! Лекция. Первая в жизни лекция. Знакомство с преподавателями, с предметами, которые будут изучаться. Сразу мысль: «Не смогу. Не справлюсь». Оглядываюсь на подруг—настроение у них такое же. Но ведь все прошли через это. Пройдем и мы.

И начались будни. Нет, не то слово — понеслись, помчались. Лекции, семинары, кружки... Казалось, больше ждать нечего.

Нет, не все. Вечер посвящения в студенты. Какой радостью светились глаза каждой, получившей зачетку. И опять сомнения, пусть шутливые, но все же они были: «Девочки! А они черные. Плохая примета! Надо бороться с суевериями». Уже серьезно: «Добиться, чтобы не стыдно было открыть эти зачетки!»—«Добьемся!» — это прозвучало как «клянемся».

В конце этого года тетя Тася Лифанова, швейцар старого корпуса, стала прабабушкой. Кучу вам правнуков, тетя Тася!

Этот этюд Толи Мартынова, третьекурсника физфака —первая его публикация. Это наш подарок Толе к дню его свадьбы.

31 декабря Толя Мартынов и Надя Козлова, четверокурсница матфака, начнут совместную жизнь.

Счастья молодоженам!

НА ЗАМЕТКУ «ЭКОНОМИСТУ»

По сведениям, данным совершенно официальными источниками, сотрудники административно-хозяйственной части, занятые уборкой 119 аудитории нового здания, за истекший месяц дополнительно к заработку имели возможность получить (12×6×24)=17 руб. 28 коп. В течение 24 рабочих дней из этой аудитории выносится вечерами по 5—6 бутылок (пустых!).

Желаем в новом году уносить тару с собой, это заметно пополнит скромный студенческий бюджет. Редакция со своей стороны обещает в новом году узнать имена «избранных», посещающих эту аудиторию.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Молодость

ОРГАН ПАРТКОМА, КОМИТЕТА ВЛКСМ, ПРОФСОЮЗНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ, РЕКТОРАТА ОГИИ ИМ. ГОРЬКОГО

№№ 36—37 (170—171) | Понедельник, 29 декабря 1969 г. | Год издания V | Цена 2 коп.

НАШИ ВСТРЕЧИ

4 декабря в институте состоялся вечер встречи студентов первого курса естественно-географического факультета с выпускниками, закончившими его в этом году.

К этому вечеру мы готовились с удовольствием и некоторым волнением.

Из всех приглашенных выпускников на вечер смогли приехать только трое, поэтому на их головы обрушились все те вопросы, которые каждого из нас волнуют уже давно, и те, которые родились во время беседы: «Что было особенно интересного на первом самостоятельном уроке?», «Какой самый каверзный вопрос задали ребята?» и много еще. Молодые учителя с удовольствием отвечали на все вопросы.

Первокурсники показали гостям несколько сценок из студенческой жизни, хозяевами которой стали на целых пять лет.

А в конце вечера было принято решение: «Поздравить с наступающим Новым годом тех, «кто в море», тех, кто не смог прийти на вечер, но чьи сердца были вместе с нами».

ДИАЛОГ ДРУЗЕЙ

Друзья!

С праздником вас, с наступающим Новым годом, пусть этот юбилейный для нашей страны год будет годом ваших больших трудовых побед и огромного счастья, пусть еще крепче будет дружба между выпускниками нашего факультета и его нынешними студентами.

В знак нашего уважения примите стихи:

«Понимаешь, мама, я учитель,
Это я вхожу, бледная, в класс,
Это мне решили поручить их —
Сорок душ и восемьдесят глаз.
Учитель, сколько надо любви и огня,
Чтоб слушали, чтобы верили,
Чтобы помнили люди меня.
В школе правду узнавать о мире
Люди начинают по складам,
Все равно — в Москве или в Сибири —
Школьный день равняется годам.
Может, в сердце боль или тревога —
Может, не везет пока в любви,
Все равно у школьного порога
Оставляй все горести свои.
Может, будет грудно, небогато,
Буду жить, свой выбор не браня.
Понимаешь, ведь мои ребята —
Это продолжение меня.

Студенты первого курса естественно-географического факультета.

Дорогие наши первокурсники!

Мы обращаемся к вам, как к своим преемникам. Знайте — вы счастливее нас — у вас впереди целых пять лет студенчества. Совсем недавно мы встретились с вами, нам было очень радостно смотреть на вас, видеть, что вы такие славные, веселые, что вы, а мы в этом уверены, уже окончательно решили для себя: быть учителем! И еще нам было чуточку грустно, потому что не мы были на вашем месте.

Мы поделились с вами впечатлениями о первых днях нашей работы, не скрыли и первого разочарований, и первых ошибок.

Мы хотим вам пожелать отличных успехов на экзаменах, бодрости духа

Счастливого вам студенчества, первокурсники!

Н. Вставская, Г. Логинова, Л. Дунаева, выпускники естественно - географического факультета.

САЛЮТ ПОМОЩНИКАМ!

Редакция шлет самые теплые поздравления и пожелания всем, кто как-то помог газете в прошедшем 1969 году. Желаем успехов всем активистам газеты и слушателям школы журналистов.

Наши благодарности и пожелания дальнейшего совершенствования и неизвестным доброжелателям газеты:

И товарищу Г. Ш., приславшему нам стихи:

**«У меня трусы в горошку,
Ах, хороши, так хороши,
Все ребята приставают:
Покажи да покажи!
А ты, долговязый
разгильдяй,
Почему не приставаешь?
У меня трусы в горошку —
Разве ты не знаешь?»**

Этот шедевр пережил в редакторской папке три отбора и, поскольку он лишен недостатков, мы опубликовали его (в сокращении).

И товарищу И. Ц., приславшему гневное письмо с требованием: «Больше публикуйте стихов шизофреников. Они талантливые ребята».

Мы долго искали эти стихи, но, коль скоро народ у нас здоровый, ограничились вышепомещенными.

Шлем привет и сочувствие тов. Ю. Я., горько сообщающему: «Даже декану мои стихи надоели, грозит выгнать, а вы все не опубликовываете». Мы запутывываемся, дорогой друг, в них, пусть ваш декан сам разбирается.

И многим-многим друзьям газеты наш новогодний привет!

РУБЛЬ

НИК. БЕРЕЗОВСКИЙ

РАССКАЗ

Время стремительно текло. Олег, отчаявшись, прислонился к стенке. Он не мог оставить собаку. Не мог предать ту доверчивость, которая мелькнула в ее глазах, когда он убегал с базара. Недостающий рубль встал между ним и собачонкой непреодолимой преградой.

— Что с тобой?

Олег вздрогнул. Перед ним стояла его воспитательница Нина Никитична.

— Так... Ничего, — растерялся Олег и замолк.

А Нина Никитична стояла рядом и смотрела участливо и добро, Олег понимал, что Нина Никитична — самый близкий для него человек, что она может помочь. Олегу захотелось рассказать о собачонке, о хозяине, но он не мог решиться. Нужен был толчок.

— Что с тобой? — проник-

Базар гудел. Базар жил своей жизнью: суетной, истошной, говорливой. Ему не было дела до тринадцатилетнего мальчишки, безмолвно стоящего в собачьем ряду.

Собаки... Разные — большие и маленькие, злые и добродушные, они тянули к себе Олега. В свободное время, убегая тайком из детдома, он приходил на базар и подолгу наблюдал за собаками. Особенно ему нравились бульдоги. Их бородавчатые морды с налившимися кровью глазами вызывали невольное уважение, и Олег мог часами смотреть на них...

Сегодня внимание Олега привлекла маленькая собачонка с полувылезшей шерстью на боках. В ее резвости и взвинченной веселости чувствовались настороженность и недоверие.

— Тоже... приволок. Товар нашел.

Это сказал мужчина в меховом пальто, с усмешкой глядя на собачонку.

Собачонка, будто поняв, что говорят про нее и говорят не очень лестно, смущенно завиляла хвостиком и вдруг, свалившись на снег, изогнувшись, тявкнула мордой в короткую шесть, быстро-быстро перебирая челюстями.

— Ой!... Да у нее насекомые! — испуганно выдохнула женщина с яркомалиновыми губами и потянула за собой мужчину в меховом пальто, которого держала под руку.

Олег, стоявший рядом, недовольно взглянул вслед уходящей паре, хотел что-то сказать, но, передумав, снова посмотрел на собачонку. Она поднялась со снега и, также смущенно помахивая хвостиком, уставилась на него. Олег, чуть наклонившись, похлопал по колену, подзывая собачку. Она дернулась, вовсю, привязанный к столбу, натянула.

— Куда шельма? — рявкнул мужчина мокрым голосом и поддел собачонку носком сапога.

Та, взвизгнув, присела.

— Зачем вы так? — не удержался Олег, весь подавшись вперед.

— Как зачем? — удивился мужчина. — Моя она, я хозяин!

— Все равно нельзя.

— Ты что это, сопляк, — вдруг взъярился мужчина, — учить меня вздумал? А ну, мотай отсюда!

И он еще раз пнул собачонку. Она, вся сжавшись, уже не повизгивала, а лишь пыталась втиснуться в мокрый, холодный снег.

Олег решительно шагнул к хозяину.

— За сколько вы продаете собаку?

Лицо мужчины в бесчисленных красных прожилках расплылось в умильной улыбке. Он оценивающе окинул взглядом мальчика: старенькое, вытертое пальтецо, брюки коротковаты и на коленях пузырями, правый ботинок просит каши.

— Три рубля.

Рука скользнула в карман, нащупала мелочь. Олег растерянно огляделся.

— Вот... Только два рубля, — тихо сказал он, вытаскивая медь, скопленную за два месяца.

— Я же сказал: три, — равнодушно отозвался мужчина.

— А может...

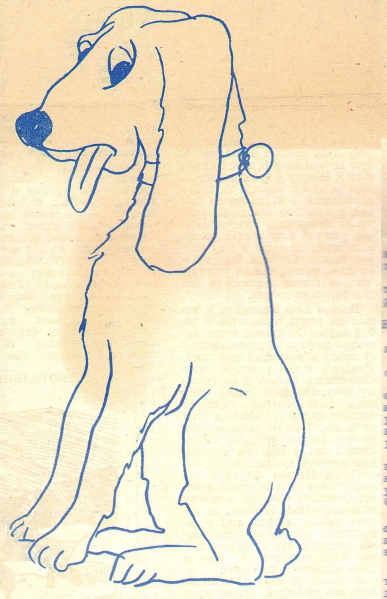
— Нет! — отрезал мужчина.

— Три. Ищи рупь. А если нет валюты, так чтоб и духу твоего здесь не было.

— Я сейчас... Я скоро, — заторопился Олег. — Я достану. Вы подождете, ладно?

Детдом, где жил и учился Олег, не очень близко, с десяток кварталов от базара. Олег весь путь бежал, думая о собачонке. Он жалел, любил ее, ненавидел жестокого хозяина. Но где взять рубль? А его надо достать. Обязательно надо.

Вбежав в здание, Олег стал спрашивать у своих одноклассников и всех знакомых ребят деньги. Но их ни у кого не находилось. Да и откуда они могли быть? Олег метался с этажа на этаж, из коридора в коридор, но везде получал один ответ: нет.



ИСТОРИКИ—ФИЛОЛОГИ

Между этими командами состоялся первый КВН. Победили историки со счетом 41:37. Вот их веселый капитан.

Фото С. Калинина.

[illegible]

«Что с собакой?» — с удивлением думал Олег, но в его ушах всплыл дрожащее тело собачонки, дворняжность в ее глазах, стоящих перед мальчиком.

И он решился. Быстро, опасаясь, что его увидят, он сунул руку в карман первого пальто. Вытащил. Бумажка. Трешка... Есть! Олег выглядел кошелек. В нем лежали две тройки. Олег смотрел на деньги и не мог взять. В раздевалке раздался громкий шорох. Тогда Олег быстро вынул одну бумажку и спрятал ее в карман. Немного подумав, выскреб свою мелочь и тихонько переложил в кошелек. Прислушался. Тишина. Лишь шуршала газета, лежащая на подоконнике, частоустало билось сердце, да стучало в висках. Олег положил кошелек на место и тут только заметил, что пальто — Нины Никитичны.

«Уже все равно», — решил он, пробираясь между вешалок.

Идя к выходу, Олег старался держаться спокойно и уверенно. Но что-то мешало ему, не давало открыто смотреть. Ему казалось, что его сейчас остановят. Он ждал этого...

Базар поутих. Снег от сотен ног почернел, обился в причудливые комки, обнажая серую брусчатку, и она переливалась будто после дождя.

Олег пробрался в собачий ряд. Собачонка, положив острую мордочку на передние лапы, грустно смотрела в голубую бесконечность неба. Рядом, прямо на снегу, сидел хозяин, всхлипывающе подергивая носом.

— Я принес, — сказал Олег, вытаскивая тройку.

— Ну? — обрадовался мужчина, поспешно вскакивая. — Давай.

Олег отдал деньги, отвязал собачонку и, прижав ее к груди, поглаживая, медленно пошел прочь.

Собачонка, почуяв ласку, осторожно лизнула Олега в щеку.

У Олега запершило в горле, он ускорил шаг. Ему хотелось быстрее дойти до детдома, и он боялся этого. Боялся не только за себя, но и за собачонку, не зная куда ее пристроить.

Озябшее тело собачки потеплело. Она дремала на руках, дыша легко и свободно. И Олег, почувствовав это спокойное дыхание, доверчивость, понял: собачонка вошла в его жизнь накрепко, намертво и уже никому и ни за что не оторвать от него ее...

Показалось детдомовское здание. Розовое солнце зацепилось за него краем, окрасив в пурпур. И чем ближе Олег с собакой подходил к зданию, тем больше за него цеплялось солнце, и Олегу казалось, что оно сейчас схватит его и унесет далеко-далеко...

Творчество

«У вас здесь так легко дышится! Не чувствуешь земного притяжения».

(Из разговора).

Тишина в наше время — особенная редкость. Здесь же, в Кижах, ее лишь изредка нарушает перезвон колоколов в соседней островной деревушке или гудок теплохода. Люди растворяются в пейзаже, не нарушая его гармонии. Они молчаливы: им не хочется говорить. Любой, даже самый прозаический человек, становится чуть ли не поэтом. «Все воспринимаешь сразу, как сплошную красоту!» — заметил один молодой ленинградский архитектор. Хочется добавить — красоту русскую, возвышенную в своей простоте и обаянии. Именно в этом заповеднике русской старины, среди непролазной плавности холмов, тихих камышовых заводей, совсем девятновских по настроению, синих озер и уютных сельских тропинок испытываешь святое волнение от соприкосновения с прошлым.

Чудо встретило нас на рассвете. Золотыми маковками, янтарными срубами поворачивались Преображенская и Покровская церкви. Знаменитые 22 главки Преображенской летней церкви — узорчаты и воздушны. Осиновые лемехи, по утрам — золотистые, розовые и малиновые на закате, червленого серебра — в полдень — память о русских мастерах. Топором да кружалом рубили церкви, «как водится — прикрывчаю, как мера и красота скажет». Не знаю, был ли потомком знаменитого Нестера Михаил Кузьмич Мытов, только переняв он от отца искусство плотника да хозяйскую обо всем заботу. Маленький, седой, подвижный, он охотно отвечает на все вопросы. Видно, что привык, да и сам не мыслит себя в иной должности (он — один из главных реставраторов и хранитель музея). Мы идем вдоль Кижской ограды; неторопливо перелистывает Михаил Кузьмич страницы прошлого этого заповедника, так тесно переплетающиеся с его собственной судьбой.

— Церковь эта, Преображенье, в честь победы над шведами построена в 1714 году. В 1947 году приехал я, так тут только развалины были, ни души кругом, как кислым квасом все залило. А сейчас и ученых всяких, и студенты из Москвы, Ленинграда приезжают. В этом году группа была в 35 человек.

— Вы восстанавливали церковь по чертежам?

— Какие там чертежи. Смотрю — лежит, погнила, набок повалилась. Детали все на виду...

ЧУВСТВО РОДИНЫ

— Что делали вы сами?

— Лемехом купола крыл (лемех — рельефная осиновая пластинка). У нас как вышел приказ лемехом покрывать, из Москвы ученые приезжали: знают, лемехом надо, а что за лемех? Мы 58 тысяч пластинок сделали. Желтые они были, ском покрылись. А сейчас все потемнело. Ветер, дождь да солнышко — оно ведь все высушит.

Сразу же за Кижской оградой построен дом. И хотя нет на нем ни узорчатых наличников, ни резных полотенец, ни двухскатной крыши, он не выглядит здесь чужаком. Это лаборатория консервации дерева. Работают там молодые ребята, студенты самых различных вузов, но большинство — архитекторы. Благодаря им, церкви будут стоять еще добрых 60—70 лет. С каким увлечением рассказывают они о будущем их Кижей: о турбазах в стиле бунгало, о шоссе, соединяющем Медвежегорск и Кижи. Парни в техасских джинсах и нейлоновых рубашках по-хозяйски показывают всем туристам крестьянские избы «брусом», «кошелем», мельницу, часовню святого Лазаря и Михаила Архангела из Лелик-озера, молельни. А ведь они еще и своими руками реставрируют, и неплохо.

— Лес возят, кирпичи, песок все время поют. Работают лучше наших, — замечает Михаил Кузьмич. — Оно ведь человек ученый, ему что... Дал топор в руки, показал, глядишь — еще лучше выходит. Наши-то сколько доходили. А у этих и смекалки больше.

— Вам не бывает скучно?

— Когда скучать? Работа да туристы все время. Ваш «Алтай» («теплоход, на котором я приехала) 10 лет уж к нам приезжает. Я тут утром дрова как-то колю, и выходит полный такой, светловолосый, с двумя переводчиками. Берет меня за плечи: «Здравствуй, Михаил Кузьмич!» — и хорошо по-русски. Я удивился: «Ты откуда меня знаешь?» «Знаю, — и смеется. — На вокзале под портретом прочитал и сразу сюда». В прошлом году американский художник с женой приезжал. Три дня они у меня жили. Он — полный, среднего роста. Уезжал, книжку, говорит, пришлю. И точно, прислал с автографом, Кент.

— Вы воевали здесь же?

— Да, в партизанах был. Тут, на Кижах, кого только не было. В эту войну у финнов на этой вот колокольне пулеметы стояли. Церковь свое сторожили: финн и наш, русский. Финн только недавно умер.

— А колокола где?

— Сняли на переплавку, в 1932.

— Где ваша семья?

— Со мной только старушка. Дети, внуки в Петрозаводске. Живут в полутора километрах отсюда. Там лесозаготовительный завод теперь строится.

Мы прощаемся. И человек спешит. Его суховатая фигура сливается с дорогой. Такой знакомой, что хочется идти и до покосившегося креста, и до калитки... И стоя и думаю о том, что силен же, должно быть, русский дух в нашем народе, если даже в этом старике он проявился с такой силой. Ведь ничто, даже, наверно, болезнь, не заставит его покинуть Кижи, его Кижи.

«Художники наши, особенно первое после реставрации время, дневали и ночевали. Рисовали без конца», — говорил он мне как-то. Вспомнились мне эти слова потому, что, побывав даже раз, вернешься и непременно посмотришь еще и еще.

Преображенская церковь. Выходишь на торжественное, двухмаршевое, настоящее вечевое крыльцо, смотришь в озерную синь и веришь: именно в этом краю свободных от крепостничества людей могли родиться былины о богатырях Илье Муромце и Добрыне Никитиче, о славе русского оружия. В сенях — широкие дубовые скамьи и тут же — дверь прямо по центру. Ее прорубил ленивый поп, чтоб недалече на колокольню идти было. Получше темно. Читали здесь царские указы. Собирался народ на сцены, братчины, трапезы.

«Не скоро сли предки наши,

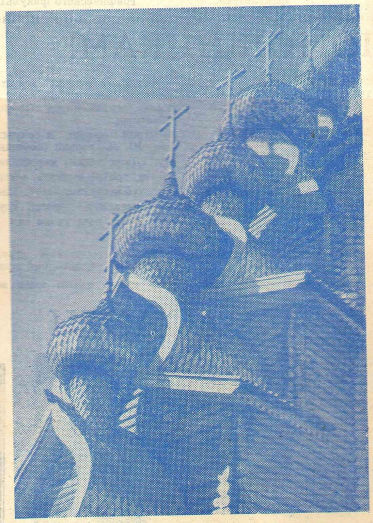
Не скоро двигались кругом
Ковши, серебряные чаши...» —
напывает из памяти. Дальше — мелодия, похожая на музыкальный аккорд, так в ней едино все и звучно. С деревянного позолоченного иконостаса глядят лики святых: Зосима Соловецкого, святого Георгия. Их целых четыре, этих ряда: местный, праздничный, дежурный, пророческий. Местный — самый большой — детище никому не ведомых карельских мастеров. Темные лики, нестареющие краски, добытые знающими секреты трав, цветов и камней живописцами. Наивная в своем стремлении показать разом все события из житий святых живопись. Но до сих пор не знает никто ни имен мастеров, ни секретов, хоть и живут их иконы, и волнуют знатока и не знатока.

И все-таки ему, М. К. Мытову, удивительно повезло. Ведь земля, на которой живешь, предъявляет каждому из нас свои требования и помнит о каждом по-разному. О ком — делом его, памятниками зодчества, заслуженной наградой. О ком — плитой на скромной могиле. Я подхожу к прямоугольнику из серого камня, что рядом с кижской оградой. Могила шести партизан. Читаю: «Слава героям, павшим за свободу и независимость Родины».

«Афонин А. Л., Волков Н. И., Дьячков А. Н.» , другие... Им было тогда, этим ребятам, двадцать три года. В среднем. Всего лишь двадцать три.

М. ФИЛИППОВА.

Ленинград—Кижи—Омск.



ПРЕОБРАЖЕНСКАЯ ЦЕРКОВЬ. КУПОЛА.

ЕВГ. ФЕЛЬДМАН

ВОЛЬНЫЙ ПЕРЕВОД ИЗ СТИВЕНСОНА

ВЕРЕСКОВЫЙ МЕД

Там, у дальних перевалов,
В переходах потаенных,
Под землей, в жестоких норах
Жили пикты племена.
И варили эти люди
Свой напиток вересковый.
Был напиток слаще меда,
Крепче всякого вина.
И секрет его старинный
Знать шотландцы захотели.
И пришли они с войною,
И нагрянули с равнин.
И малютки-медовары
Полегли в неравной битве.
В диком поле под горою
Все погибли как один.
Вот уж лето наступило,
И зацвел румяный вереск.
Но шотландцам не дается
Вересковое вино:
Спят малютки-медовары,
Спит секрет первоначальный
И с народом побежденным
Погибает заодно.
На коне король шотландский
Проезжал мрачнее тучи.
Плыли чайки, выли волны,
Завиваясь на бегу.
В час полуденного зноя,
Бражным соком наливаясь,
Зачиналось злое зелье,
Недоступное врагу.
Но на счастье в ту минуту
Усмотрел вассал вельможный
Серый камень при дороге,
А под камнем черный лаз.
Топнул конь — и пикт последний
Вышел с сыном, вышел к свету
И без слова на пришельцев
Устремил недобрый глаз.
Повели их к грозным скалам.
Там сказал король им: «С корнем
Я историну ваше племя,
Но помилую того,
Кто поведает нам тайну
Вересового напитка» —
Молча маленькие люди
Посмотрели на него
Посмотрели исподлобья
Пикты, маленькие люди:
Наверху смеялся вереск,
Снизу выла глубина.
«Повелитель мой, послушай, —
Пискнул тот, что был постарше, —
Я готов доверить тайну
Вересового вина.
Я готов доверить тайну,
Потому что год годами,
Потому что жить мне доле
Захотелось на веку.
Но прости, великодушный,
Доверять свои секреты
На глазах у малолетних
Неподобно старику.
Образцом я был для сына;
Сын не вынесет бесчестья,
Больно видеть, как отцами
Нарушается обет.
Так свяжи и брось с утеса
В море сына молодого.
Он погибнет — и немедля
Я открою свой секрет».
По приказу властелина
Страж исполнил эту волю;
И над морем крик раздался...
Старый пикт глядел туда,
Где последняя надежда
По воде пошла кругами,
Где угаснул вместе с сыном
Род старинный навсегда.
«Правду я сказал, шотландцы,
Я за сына опасался:
Нету мужества у слабых,
У неопытных юнцов.
Но пока я жив, собаки,
Не узнать вам нашей тайны
Вересового напитка
Тайны дедов и отцов!»

ПРО ИВАНОВА

Лыжи втащили в избу и сложили в угол. На улице их почти совсем засыпало, потому что снег шел третий день. Из-за него не было видимости, приходилось сидеть и ждать, когда кончит мести и ветер разгонит на перевале тучи.

На крышу избы навалило целый сугроб; неизвестно, почему он еще держится день. Из-за него не было видимости, приходилось сидеть и ждать, когда кончит мести и ветер разгонит на перевале тучи.

На крышу избы навалило целый сугроб; неизвестно, почему он еще держится день. Из-за него не было видимости, приходилось сидеть и ждать, когда кончит мести и ветер разгонит на перевале тучи.

Внизу шумела река, и до воды было ровно пятнадцать больших следов от ивановских валенок. Иванов очень ценил свои шимы, потому что они удивительные и грубые были сорок седьмого размера, в валенки в них, все сапоги бросил. Он ходил в них за водой, а, возвратившись в избу, ставил валенки на печку. От них шел пар, но Иванов не убирал шимы, пока не начинало пахнуть паленой шерстью.

Жизнерадостный человек был Иванов. Трудолюбивый. Давно уже все молча согласились с тем, что, кроме всего прочего, он всегда таскает воду и колет дрова, и делает еще многое, что всем нужно и что кто-то все равно должен делать.

Странная любовь к этому занятию никого больше не удивляла и как-то вошла в унылый распорядок ежедневных обязанностей; тут тоже была своя молчаливая справедливость.

Дрова он действительно колол виртуозно и в своем деле был профессионалом. Здоровым толстым кругляком он относился с уважением, но без страха. Они были ему выше колена, и кто-нибудь другой, может быть, сказал бы, что без кувалды тут не обойтись. Иванов бы только улыбнулся в заиндевевшую бороду. Кувалды с собой не носил; не было и колуна. Иванов приносил простой топор, вертел кругляк в разные стороны и искал у него слабое место. Потом, прищурившись, взмахивал топором и всаживал его в чурбан с глубоким удовлетворением. Кругляки раскалывались с сухим оханьем на смолистые половинки, которые Иванов клал плашмя и добивал одним ударом. Потом он собирал на снегу поленья и заносил их в избу. Он вытирал от снега топор, сушил, свои легендарные шимы, а поленья оттаивал у горячей печки, и в натопленной избе пахло хвоей и свежестью с улицы.

Иванов сидел и вспоминал прошлую неделю: как долго не вставал Сигач, как зеленые лемминги прыгали по воде и с пронзительным свистом ныряли в ледяной поток, как ему, Иванову, пришлось перебираться через ледяной поток, как ему было страшно, как, вспоминая, он ежился, как вспоминал